

ОДА ШЕРЛОКУ ХОЛМСУ

Сыщик Пуаро и сыщик Холмс.

Про жизнь или «про шпионов»?

Детектив вчера, сегодня и завтра.

Вот и ещё одна встреча с Шерлоком Холмсом — первые три тома из восьмитомного собрания сочинений Конан Дойля (издательство «Правда», библиотека «Огонёк», 1966 год).

О чём думаешь, читая и перечитывая истории Шерлока Холмса, что связывается сегодня с именем этого литературного героя? Наши дни высветляют в нём особенно обострённое чувство справедливости, нравственную необходимость опознания и наказания зла. Сейчас Шерлок Холмс воспринимается не только как гениальный сыщик, создатель интеллектуальной школы детектива, неутомимый преследователь преступников и преступлений. Распутать хитрый узел злодейства не то же самое, что восстановить справедливость; уличить преступника не то же самое, что защитить истину. Для иных детективов достаточно только опознать зло; Шерлок Холмс добивался торжества добра. Этот характер не укладывается в традиционные рамки с погонями, выстрелами, наручниками и трупами. Конечная цель была у Шерлока Холмса не в том только, чтобы изловить нарушителя порядка, но в том, чтобы сделать мир чуточку лучше. И, закончив то или иное дело, где были грязь, ложь, кровь и порок, Шерлок Холмс частенько говаривал неизменному другу доктору Уотсону «Передайте мне скрипку и садитесь поближе» или «Вы слушали де Рецке в «Гугенотах»? Так вот, будьте любезны собраться в течение получаса». И это увлечение не означало для него ни забвения, ни чудачества. Скрипка, музыка, искусство, литература были для Холмса напоминанием об исском совершенстве, о главной его цели — соединении законов общества и законов разума. В иллюзорных видениях строил он свой нрав-

ственный мир без преступлений, лжи и насилия, тот мир, который, как он ни бился, нельзя было построить в одиночку.

И здесь, как это на первый взгляд ни кажется странным, напрашивается аналогия между Шерлоком Холмсом и Дон Кихотом. Пусть разделены странами, веками, общественными формациями, пусть нельзя сравнивать масштабы писателей, создавших их. Но оба — поджарый, длинный Дон Кихот и худой, высокий Холмс — рыцари, в одиночку воюющие за справедливость, защищающие униженных и оскорблённых. Благороднейшие люди, усилия которых по изменению действительности в конечном итоге всё-таки тщетны. Отсюда и прорывающаяся время от времени горечь — чувство, также объединяющее этих героев...

Совесь героя Конан Дойля и нравственные законы буржуазного общества не совпадали. Закон нравственный был для Холмса выше официального правосудия, подчиняясь ему, он в то же время советовался со своей совестью. И не случайно именно к Холмсу стремились люди — и обманутые и обманувшие, и потерпевшие и свершившие зло. И все знали — Шерлок Холмс выслушает, разберётся. И не раз в этой маленькой гостиной на Бейкер-стрит, словно два заговорщика, сидели нарушитель закона и представитель правосудия. Один изливал свою душу, другой пытался понять. И если понимал, что человек, формально виновный, на самом-то деле попал в беду, то учил, объяснял, как вести себя с представителями буржуазного закона, чьи шаги уже слышались на лестнице. С ними, с полицейскими из Скотленд-Ярда, уже нельзя будет так искренне делить свою боль. Там — буква правосудия, здесь — Человек. «...Я не могу сказать, превысили

вы меру необходимой обороны или нет. Это решит английский суд присяжных. Но если вы сумеете исчезнуть в ближайшие 24 часа, обещаю вам, вы сделаете это беспрепятственно». Такие странные речи раздавались на Бейкер-стрит.

А в другой раз и вовсе Холмс и Уотсон были здесь же, в комнате, спрятанные за занавеской. Они пришли разоблачить худшего, по словам Шерлока Холмса, негодяя в Лондоне (рассказ «Конец Чарльза Огастеса Милвертона»). Но вдруг в эту же комнату вошла женщина. Она выстрелила в Милвертона и убила его. Дальше рассказывает доктор Уотсон: «... Если бы не Холмс, схвативший меня за руку, когда женщина посылала пулю за пулей в шатающегося Милвертона, я бросился бы ему на помощь, Я понял, что означает твёрдое его рукопожатие. Это не наше дело, правосудие, наконец, настигло мерзавца».

Шерлок Холмс и его создатель Конан Дойль невольно, быть может, интуитивно, сами того не ведая, требовали изменения мира. Если благородный человек вынужден мстить, если благоденствовали предатели и хищники, значит, надо было менять жизнь, значит, в ней должны были исчезнуть причины, порождавшие предательство в подлость.

Шерлок Холмс был убеждён в том, что не может быть преступления без причины. Если не виделось, не предполагалось этих причин, Холмс не считал расследование начатым, оно пока было бессмысленным, ненаправленным. Ясные социальные причины стояли у истоков запутанных преступлений.

Обратили ли, вы внимание, что некоторые наши писатели, авторы детективных произведений, идут как раз обратным путем? Усилия этих писателей и их героев, расследующих преступления, имеют прямо противоположную цель: доказать, что причин не было и быть не может. Социальный анализ уступает место туманным построениям. Отрекаясь от старомодной таинственности, современные наши приключенческие писатели куда более таинственны, чем любитель тайн Шерлок Холмс. Тайна, окутывающая порок, так и не рассеивается во многих такого рода произведе-

ниях, потому что рассеять её может лишь осознание причин, истоков, герои же современного детектива нередко удовлетворяются только следствиями.

А результат получается прямо противоположный тому, на который рассчитывали авторы: устраняя причинность, они тем самым утверждают некую фатальность преступлений, а следовательно — невозможность устранения их в зачатке, в самой основе.

И вот ещё о чём думается, когда перечитываешь сегодня истории Шерлока Холмса. Ничтожно мало среди них рассказов, как они теперь у нас называются — «про шпионов». Конан Дойль больше занимали сюжеты нравственного порядка. К сожалению, современные наши детективы в большинстве своем тяготеют к сугубо «шпионской» тематике, оставляя втуне внутреннюю жизнь общества,

Но, тщательно изучая хищнические законы жизни своего общества, Шерлок Холмс никогда не терял из вида человека, которому, думал он, даже в мире наживы присущи всё же больше добрые, чем дурные порывы души. Люди приходили к Холмсу с самыми разными жалобами, просьбами, вопросами. Но никогда не заподозрил Холмс в дурных намерениях того, кто приходил к нему со своим горем. Ни разу не подумал он, что тот, кто жалуется, сам виновен, что это ловкая провокация, отводящая глаза правосудию. Вот уже все улики сошлись на мистере Шолто из повести «Знак четырёх». Он, и никто другой, убил своего брата. «Но вы не считаете меня виновным, — обращается он к Холмсу, — разве бы я привёз вас сюда, если бы это я?»

«Вам нечего бояться, мистер Шолто, — сказал Холмс, успокаивающе похлопывая его по плечу...» Полиция арестовала Шолто, не слушая его объяснений. «Не расстраивайтесь, мистер Шолто, — стоял на своем Холмс. — Я думаю, что сумею снять с вас это обвинение».

Казалось, все возможные виды детективного сюжета использовал Конан Дойль для истории о Шерлоке Холмсе. Все, кроме одного: возбудитель дела — преступник. Холмс был проницателен и не пропускал

никаких улик, но в основе всегда была вера в людей, желание им помочь.

Зло и добро явственно различались в детективе Конан Дойля. Подлость, гнусную провокацию его героям не приходило в голову оправдывать сложностью жизни. Открою сегодняшний западный детектив, даже лучшие его образцы. И что же? Сюжетный ход — жалобщик, он же преступник — самый частый ныне тип, самый распространенный. К сыщику Пуаро в повести «Загадка Эндхауза» Агаты Кристи приходит молоденькая девушка с просьбой защитить её. Но именно она-то и оказывается злым, хладнокровным убийцей. Обращение к детективу было лишь ловким ходом преступника. К сыщику Мегрэ в повести «Мегрэ и старая дама» Ж. Сименона обращается пожилая женщина — на неё покушались, он должен найти виновного. И снова убийцей, расчетливым, спокойным, предстает перед нами именно эта женщина, просившая помощи.

Может быть, это случайность, но, думается, возможно и такое предположение: то, что не приходило в голову Конан Дойлю и его Холмсу не из-за отсутствия фанта-

зии, но из-за твёрдости морали, отлично приходит в голову современным писателям Запада, для которых мораль их мира стала весьма расплывчатой, которые в жизни ничему больше не удивляются.

На пути от Конан Дойля к Агате Кристи, от Шерлока Холмса к Пуаро буржуазная мораль сделала свой сдвиг в сторону ещё большего разобщения, расхождения с человеком и человечностью,

Критик М. Туровская писала недавно: «Кто из нас не увлекался в детстве меланхолическим Шерлоком Холмсом?» («Новый мир» № 9, 1966 г.). В детстве. Но верно ли отдавать этого героя только детству? Верно ли отдавать лишь детству «Приключении Тома Сойера», «Трёх толстяков», «Трёх мушкетеров», «Легенду об Уленшпигеле», «Приключения Шерлока Холмса»? Нет. Иначе перестанет жить какая-то весёлая, милая, умная, искренняя часть человеческой души. Вероятно, взрослые всегда должны оставаться в чём-то детьми, так же, как дети, — иметь прозорливость взрослых. Такому сочетанию помогают книги, подобные «Приключениям Шерлока Холмса».

И. ВИШНЕВСКАЯ